

История ЗАРУБЕЖНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

Г. Б. Корнетов

ИСОКРАТ: У ИСТОКОВ РИТОРИЧЕСКОГО ИДЕАЛА ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 37(091)+929Исократ
ББК 74.03(0)3

Аннотация: Во второй четверти IV в. Платон и Исократ разработали две модели пайдейи, имея в виду образование свободного человека, организацию развития его доблестей на основе постижения культуры. Они обосновали два гуманистических (в смысле Цицерона) образовательных идеала. Эти образовательные идеалы, традиционно обозначаемые как философский (Платон) и риторический (Исократ), делали особый акцент на развитии человеческого разума. При этом они различались не только тем, что первый был обращен на создание условий для постижения человеком высшей истины, понимаемой и как основа всякого знания, и как основа подлинной нравственности, а второй был направлен на формирование способности жить в мире человеческих мнений, следуя принципам житейской нравственности и выстраивая отношения с окружающими людьми.

Платон основным орудием умственного образования предлагал сделать математику, а Исократ видел этот инструмент в слове.

Пайдейя Исократа была направлена на то, чтобы сделать «человеческие души более разумными, а тела — более способными к действию», чтобы «обучая и воспитывая учеников... довести их до такого состояния, что те станут лучше, чем были». Исократ был убежден, «что нельзя и не следует учить хорошо говорить без того, чтобы учить правильно жить, и что сущность мысли неотделима от ее словесного выражения, и, следовательно, существует взаимосвязь между мыслью и словом». Риторический идеал образования Исократа был основан на широкой гуманитарной культуре, на широко понимаемой философии. Исократ, акцентируя внимание на необходимости широкого литературного образования, наполненного глубоким

нравственным содержанием, на необходимость изучения славного исторического прошлого полиса, его законодательных установлений, обосновывая целесообразность изучения других наук.

Ключевые слова: Исократ; античная педагогика; древнегреческая паидея; образование в древнегреческом полисе; Афины — школа Эллады; риторический идеал образования; философский идеал образования; образование, достойное свободного человека.

G. B. Kornetov

ISOCRATES: AT THE BEGINNINGS OF THE RHETORICAL IDEAL OF EDUCATION

Summary: In the second quarter of the 4th century Plato and Isocrates worked out two models of *paideia* meaning the education of a free man, organization of the development of his merits on the basis of culture comprehension. They grounded two humanistic (as Cicero stated) educational ideals. These educational ideals, traditionally meant as philosophical (Plato) and rhetorical (Isocrates), laid special stress on the development of the human mind. The difference between them is that the philosophical ideal aimed at forming conditions for understanding the highest truth by the man and the highest truth was understood as the basis of any knowledge and as the basis of the true morals, while the rhetoric ideal aimed at forming the ability to live in the world of human opinions by following the principles of worldly morality and being able to build relationships with people around you.

Plato thought the main tool of intellectual education to be mathematics, while Isocrates considered it a word.

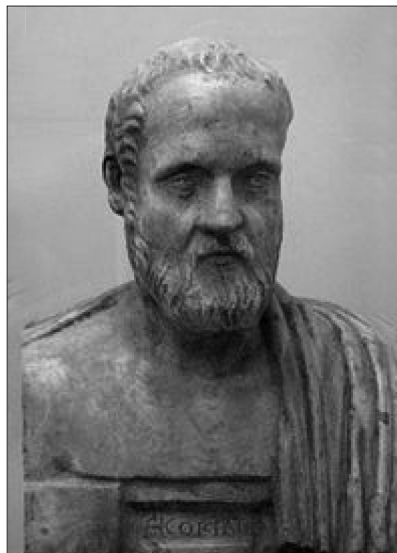
Isocrates' *paideia* aimed at making "human souls more rational, and their bodies more capable of acting", it aimed at "bringing students to the condition when they are better than they used to be by educating and teaching them". Isocrates was sure that "one mustn't and shouldn't teach somebody to speak well without teaching him to live properly. The essence of a word is inseparable from its verbal expression. And therefore there is a correlation between an idea and a word". Isocrates' rhetoric ideal of education was based on the wide classical culture, on the widely understood philosophy. Isocrates accentuated on the necessity of wide literary education filled with deep moral content, on the necessity of studying the glorious historic past of the Polis and its laws. Besides, he corroborated the reasonability of studying other sciences and arts.

Key words: Isocrates; antique pedagogics; ancient Greek *paideia*; education in the ancient Greek polis; Athens — the school of Hellas; rhetoric ideal of education; philosophical ideal of education; education worthy of a free man.

ИСОКРАТ — афинский ритор, политический мыслитель, педагог, которого Цицерон называл «наставник всех своих современников» [50], прожил долгую и исключительно плодотворную жизнь. Глубоко почитаемый эллинами, он умер в возрасте 98 лет и оставался на протяжении многих веков одним из наиболее авторитетных мыслителей античной эпохи, образцом «классического красноречия», он был одним из основоположников европейской педагогической традиции.

Исократ родился в 436 г. до н.э. в период наивысшего расцвета Афин, в «золотой век» Перикла, за пять лет до начала Пелопонесской войны. В основе этой судьбоносной для античной Греции войны лежал конфликт между демократическими Афинами и олигархической Спартой. Эта война закончилась сокрушительным поражением Афин и положила начало крушению полисного устройства древней Эллады.

Исократ родился в Афинах, которые Перикл, согласно Фукидиду, называл школой всей Эллады [47. С 108], в семье Феодора — состоятельного владельца мастерской по изготовлению флейт. Получив традиционное для того времени базовое образование, он, несмотря на свою плохую дикцию и робкий нрав, прошел обучение у выдающихся наставников-софистов, которые готовили своих учеников к участию в политической жизни полиса, приобщая их к основам ораторского искусства и развивая у них способность вести полемику, побеждать в спорах, убеждать слушателей в собственной правоте. Одним из учи-

телей Исократа был Горгий. Это, как отметил М. А. Гаспаров, был «софист с самой громкой славой» [9. С 10], которому Платон посвятил одноименный диалог. По словам американского исследователя М. Гранта, «Горгий из Леонтин в Сицилии (483–376 гг. до н. э.)... придавал огромное значение общественным выступлениям как средству достижения успеха. Он даже создал для этого полный противопоставлений, ритмический, цветистый и захватывающий прозаический стиль, который, несмотря на все излишества, послужил образцом последующим поколениям» [10. С. 80].

Однако сам Исократ в силу своей застенчивости и слабого голоса так никогда и не стал практикующим оратором. Будучи уже 94-летним старцем, снискавшим широкую известность среди современников, он говорил о себе: «Я знаю, что физически я

слабее, чем это нужно для практической деятельности, а для выступлений в качестве оратора мои природные данные несовершенны и не во всех отношениях пригодны... Мне больше, чем любому из моих сограждан, недостает достаточно громкого голоса и дерзости» [29. С. 227]. Именно это, по-видимому, сделало все его попытки заняться практической политической деятельностью безуспешными. В отличие от своего младшего современника Демосфена (ок. 384—322 до н. э.), ставшего, вопреки врожденному дефекту речи, величайшим оратором Древней Греции, он избрал делом своей жизни обучение молодежи ораторскому искусству.

В годы Пелопонесской войны Исократ лишился имущества и, оказавшись в оппозиции к режиму тридцати тиранов, которые правили в Афинах в 404—403 гг. до н. э., переехал на остров Хиос, лежащий у побережья Малой Азии и являвшийся в то время одним из очагов эгейской культуры. На Хиосе он открыл школу риторики. Однако уже спустя год Исократ вернулся на родину. В течение десяти лет он занимался ремеслом логографа — составлял за плату тексты речей для участников судебных процессов (до нас дошло шесть судебных речей Исократ).

В 392 г. до н.э. Исократ начал главное дело своей жизни — он создал в Афинах школу риторики, которой бессменно руководил до 352 г. Школа Исократ, дававшая по меркам того времени то, что мы сегодня называем высшим профессиональным образованием, пользовалась заслуженной сла-

вой у современников. Многочисленные ученики стекались к нему из многих городов Эллады, островной Греции, Малой Азии, Италии... По словам В. И. Исаевой, на протяжении четырех десятилетий «Исократ сосредоточил свое внимание на основанной им школе красноречия, крупнейшем риторическом центре Эллады, из которого вышли прославленные ораторы (Исей, Ликург, Гиперид), историки (Андротийон, Эфор, Феопомп), политические деятели и полководцы (Тимофей, Леодамант, Никокл, Клеарх). Курс обучения, длившийся три—четыре года, из-за высокой платы (около 1000 драхм) был доступен лишь состоятельным людям. Глава школы был убежден, что изучение искусства красноречия закладывает фундамент образования, формирует профессиональные навыки для любой деятельности» [16. С. 8]. С. И. Радциг — русский советский филолог, принявший активное участие в составлении хрестоматии «Древний мир в памятниках его письменности», подчеркивал: «Важное значение имела основанная Исократом школа ораторского искусства. Преподавание не ограничивалось частными уроками, а имело общественное значение. Педагогическим чутьем Исократ понимал, что подлинный оратор должен иметь не только чисто профессиональные навыки, но и широкое научное образование в области права, истории, литературы, философии и т. п. В его школе, где курс обучения продолжался 3—4 года, все эти предметы были введены в программу. Являясь новатором в педагогическом деле, он, на-

ряду с лекционной системой, уделяет серьезное внимание практическим занятиям, заставляя учеников регулярно состязаться между собой. И сам он выносил свои литературно-ораторские опыты на обсуждение учеников, разбирая с ними отдельные части и делая поправки и дополнения» [42. С. 332].

Исократ не только обучал своих учеников. Он составлял так называемые торжественные речи (до нас дошло 15 таких речей), в которых пытался осмыслить социально-политическую ситуацию, сложившуюся в Древней Греции в условиях кризиса полисной системы, найти способ преодолеть экономические, социально-политические и культурные противоречия. Говоря о направлении этих речей, сам Исократ писал, что предметом его деятельности были «не речи о частных делах, но речи, предмет которых касается всех эллинов, связанные с политической жизнью государств, а также речи, произносимые на торжественных собраниях... они более похожи на поэтические или мусические произведения, чем на речи, произносимые в суде» [25. С. 310].

Исократ так оценивал свою деятельность в этот период: «После того как я потерпел неудачу в политической деятельности, я обратился к занятиям философией, к упорному труду, к изложению в письменной форме того, что было мною обдумано. Я избирал не пылые темы, не частные сделки и не такие сюжеты, о которых несут вздор другие, но говорил о делах эллинов, царей и о государственных делах» [26. С. 227]. Е. Н. Корнилов пишет о том, что «на время руководства

школой приходится пик политической активности Исократа, разработка им теории и практики государственного устройства, внутренней и внешней политики полисов, принципов межгосударственных отношений, социальной стратификации» [34. Гл. 27].

Свои речи Исократ широко использовал и в качестве учебных текстов, изучая их с учениками во время школьных занятий. Каждую речь он, как правило, составлял на протяжении длительного времени. Они не предназначались к прочтению автором, который в течение всей своей жизни сторонился практической ораторской деятельности. Речь были блестящими образцами политической публицистики, а сам Исократ стоял у истоков этого жанра. Его политические идеи оказывали огромное влияние на современников. С. И. Радциг обращал внимание на то, что, «увлекаемый мечтами о сильной личности, Исократ завязал тесные отношения с некоторыми властителями, такими, как Эвагор, тиран кипрский, и его преемник Никокл, Архидам, наследник спартанского престола, Ясон, тиран города Фер, и, наконец, Филипп Македонский. Через них он пытался оказать влияние на политическую жизнь и мечтал руководить общественным мнением, излагая свои взгляды в форме речей» [42. С. 331]. До нас дошло девять писем Исократа видным политическим деятелям того времени.

Умер Исократ в возрасте 98 лет в 338 г. до н. э., спустя четыре дня после того, как войска македонского царя Филиппа II разгромили объединенную армию эллинских городов-государств

в битве при Херонее. В этой битве отличился 18-летний сын и наследник Филиппа, будущий «покоритель вселенной» Александр. Результатом победы при Херонее стало установление гегемонии Македонии над греческими полисами, лившимися своей свободы. Предание гласит, что Исократ отказался принимать пищу и умер от истощения, не желая быть свидетелем порабощения Афин Македонским царством.

Исократ жил в эпоху, когда были заложены важнейшие культурные основания западной цивилизации.

Прожив почти сто лет, он был современником движения софистов, первых в истории формирующейся западной цивилизации платных учителей, признававших за каждым человеком возможность и право совершенствоваться посредством обучения и сосредоточивших внимание на развитии способности каждого ученика активно и успешно участвовать в общественно-политической жизни государства [33].

Исократ был современником трех величайших мыслителей античного времени, яростно полемизировавших с софистами: Сократа, его ученика Платона и Аристотеля, который в свою очередь был учеником Платона и являлся наставником Александра Македонского. Сократ, Платон и Аристотель разработали комплекс философских, социальных, антропологических, а также педагогических идей, без которых невозможно понять духовную эволюцию человечества.

Есть основания предполагать, что юный Исократ входил в круг друзей Сократа. В платоновском диалоге «Федр» «красавец Исократ» назван приятелем Сократа. Платон вложил в уста своего любимого учителя весьма лестную характеристику Исократа: «Мне кажется, что по своим природным задаткам он выше Лисия¹ с его речами, да и по своему душевному складу он благороднее. Поэтому не будет ничего удивительного, если, повзрослев, он в речах — пока что только пробует в них силы — превзойдет всех, когда-либо ими занимавшихся, больше, чем теперь превосходит всех юношей. Кроме того, если он не удовлетворится этим, какой-то божественный порыв увлечет его к еще большему. В разуме этого человека... природой заложена какая-то любовь к мудрости. Вот что объявляю я от имени здешних богов моему любимому Исократу» [39. С. 190–191].

И сам Платон, согласно Диогену Лаэртскому, «был дружен с Исократом» [11. С. 139]. Вместе с тем Платон, обратившийся к поиску Истины, и Исократ, превозносивший силу Слова, выступали как непримиримые оппоненты. В их произведениях постоянно ощущается критика друг друга, хотя они и стремились уклониться от прямых взаимных выпадов, видимо, испытывая искреннее и глубокое взаимное уважение.

Будучи выдающимися мыслителями и практиками образования своего времени, Платон и Исократ олицетворяли собой две различные тенденции

¹ Лисий (ок. 445–380 до н. э.) – выходец из Сиракуз, афинский оратор, считающийся создателем жанра судебной речи и литературного языка аттической прозы.

в развитии древнегреческой духовной культуры и выдвинули два альтернативных идеала образования — идеал образования философского и идеал образования риторического. Немецкий историк и филолог В. Йегер, посвятивший фундаментальную работу исследованию древнегреческой пайдеи (1934), назвал конфликт между Платоном и Исократом «первой битвой многовековой войны между философией и риторикой» [1. С. 46].

Непримиримым противником Исократа был его младший современник Аристотель. По словам М. Л. Гаспарова, «они ненавидели друг друга («стыдно молчать и позволять говорить Исократам!» — говорил, по преданию, Аристотель) [9]. Вместе с тем Аристотель признавал безусловный авторитет Исократа в области риторики. Об этом, в частности, свидетельствует неоднократная апелляция к текстам Исократа, как к заслуживающим всяческого внимания образцам, в «Риторике» Стагирита [5. С. 47, 103, 115, 152 и др.].

Исократ состоял в переписке с воспитанником Аристотеля, будущим царем Македонии Александром (также, впрочем, как и с его отцом, Филиппом), называл его в письмах «человеком гуманным, другом Афин, любящим науку и образование». Он пророчески предрекал Александру выдающееся будущее: «Ты всеяешь добрую надежду в сердце твоего отца и всех остальных, что в будущем... ты превзойдешь всех остальных разумом настолько, насколько отец твой превзошел всех своих современников» [20. С. 442–443].

Греческий историк и ритор Дионисий Галикарнасский в И. в. до н. э. называл Исократ (наряду с Платоном и Демосфеном) в числе трех наиболее выдающихся стилистов среди философов и ораторов [13. С. 222]. При этом, по его мнению, язык текстов Исократа несколько проигрывал ярким сочинениям Геродота, Платона и Демосфена. Дионисий писал: «Трудно найти других, кто шире пользуется богатством эпизодов, полнотой разнообразия, многоликостью фигур, нежели первый из этих — в построении истории, второй — в прелести диалогов, третий — во владении состязательными речами. И совсем не похожа на это была школа Исократа и его учеников: хоть они и достигали приятности и величественности во многих своих соединениях, но в переменах и разнообразии были не столь удачливы: у них всегда один и тот же круг периода, однообразное построение фигур, одинаковое сплетение звуков и многое другое в том же роде, раздражающее слух. В этом отношении я и не могу одобрить эту школу. Конечно, у самого Исократа многие красоты скрывают своим цветом эти недостатки; но у его учеников меньше иных достоинств, и поэтому такая погрешность выступает ярче» [12. С. 200]. Однако при всем этом Дионисий, говоря о риторах, подчеркивал, что именно у Исократа было первенство среди тех, кто стремился, «чтобы именованья были в движении и чтобы слова неслись, настигая друг друга, и друг в друге находя опору, словно поток, льющийся без остановок... чтобы слова связывались и спле-

тались в общей ткани, самым видом являя свою силу» [12. С. 200]. И в этом он был достойным продолжателем своего учителя Горгия.

Французский историк А.-И. Марру, автор классического труда по античной педагогике (1948), писал о том, что на первый взгляд Исократ по сравнению с Платоном «неизбежно оказывается в невыгодном положении: он, так или иначе, проигрывает в сравнении со своим блестящим соперником. С какой точки зрения не посмотри: мощь таланта, обаяние личности, богатство натуры, глубина мысли, даже собственно литературное мастерство — Исократ, несомненно, уступает Платону. <...> И все же, несомненно — и это само по себе достаточное основание для гордости, — что Исократ был учителем *par excellence*² для той риторической культуры, того литературного образования, которые станут доминантными чертами классической традиции. <...> Исократ, а не Платон был воспитателем Греции IV века, а вслед за ней и всего эллинистического, а позже римского мира. <...> Исократу более чем кому-либо другому подобает честь и ответственность называться вдохновителем традиционного западноевропейского типа образования, в котором важнейшее место занимает литература. <...> Именно в этом — подлинное величие Исократа. <...> Жизнь, мысль, творчество Исократа расположены в плане куда более низко, чем высокая драма Платона: он куда ближе к среднему афинскому интеллектуалу

— вообще, к среднему человеку» [37. С. 118—120].

Присоединяясь к оценке А.-И. Марру, С. С. Аверинцев подчеркивал, что «огромное значение Исократа состоит в том, что он придал полную четкость риторико-формальному типу образования, который господствовал в античном мире до конца его существования и еще в Европе Нового времени переживал не один расцвет (гуманистическая школа и классическая гимназия)» [3. С. 126].

Исократ жил в ту переломную эпоху древнегреческой истории, когда Эллада, достигшая пика своего культурного и политического расцвета, утрачивая бывшее могущество, пыталась осмыслить происходящие процессы, найти пути преодоления наметившихся разрушительных тенденций, выработать способы конструктивного разрешения нарастающего кризиса полисной системы и привести образование в соответствие с новыми условиями и потребностями. При этом образование все более понималось не только как средство развития и формирования отдельного человека, но и как важнейший механизм стабилизации и реформирования социума.

Эпоха расцвета древнегреческой полисной системы и рабовладельческой демократии приходится на V в. до н. э. Именно в это время складывается понимание «общественной жизни», предполагающей обязательное участие всех свободных и полноправных граждан в управлении делами города-государства. Сама политическая де-

² *Par excellence* (фр.) — преимущественно, главным образом.

тельность становится исключительно престижной и наиболее привлекательной для граждан. Это приводит к некоторому изменению трактовки традиционного для древнегреческого общества идеала человека — идеала калокагатии, основу которого составляло совершенство и телесного сложения, и духовно-нравственного склада, так что наряду с красотой и силой этот идеал заключал в себе справедливость, целомудрие, мужество и разумность [43. С. 243]. В идеале калокагатии в новых исторических условиях особое звучание получает акцент на необходимость развития в каждом свободном гражданине способности участвовать в демократическом управлении полисом. Это предполагало формирование у человека умения судить о том, что происходило в городах-государствах, и, что еще более важно, умения отстаивать свою точку зрения, убеждать других граждан в собственной правоте.

Э. Д. Фролов пишет о том, что «в условиях полисного строя, когда вся жизнь граждан направлялась деятельностью массовых или, по крайней мере, коллегиальных учреждений, где все вопросы решались в обстановке гласности, путем открытого обмена мнениями, посредством личных устных выступлений, красноречие становилось важнейшим орудием политики, более того — всей вообще публичной деятельности граждан. Соответственно, ему рано суждено было стать предметом специального изучения, особенным видом гуманитарной науки или искусства, крепко спаянным с политической, и едва ли не ведущим литератур-

ным жанром. Недаром софисты — эти первые у греков профессиональные наставники в политической науке — были одновременно и первыми специалистами и учителями в искусстве красноречия, в риторике, равно как и первыми представителями параллельно развившейся специальной литературной отрасли — ораторской грозы... Если в первой половине V в. до н. э. политики вроде Фемистокла могли полагаться на свое природное ораторское дарование, то уже в середине этого столетия авторитетнейший лидер афинской демократии Перикл проявлял глубокий интерес к принципам и приемам ораторского искусства, а еще поколением позже не было уже ни одного серьезного государственного деятеля, который не начинал бы свое политическое восхождение с овладения техникой красноречия. В IV в. все видные политики были одновременно и выдающимися ораторами, но и наоборот: роль публичного красноречия была столь велика, что трудно было бы найти в общественной жизни греческого города более влиятельную фигуру, чем специалист в искусстве красноречия» [46. С. 326—327].

Автором первого, не дошедшего до нас, пособия по риторике считают политического и судебного оратора Коракса, жившего в Сиракузах на Сицилии в первой половине V в. до н. э. По мнению Коракса, задача оратора заключается не в раскрытии истины, а в убеждении слушателей и оппонентов в правильности отстаиваемой им точки зрения, в том числе и с помощью софистических доказательств. Эта точка зрения получила широкое признание

и нашла свое яркое воплощение в деятельности софистов. По словам С. С. Аверинцева, «духом интеллектуального скандала, сенсации и вызова была проникнута вся деятельность софистов; они не сглаживали, а подчеркивали свои конфликты с традиционной системой взглядов. Софистический мировоззренческий стиль в целом выражал крушение всех представлений о сверхличных нормах... Идеалу калократии софисты противопоставляют идеал «способного» или «сильного» человека: это такой человек, который не поддается чужому внушению, а сам может внушить кому угодно — или вообще всему человечеству — все, что хочет, и при этом не погрешит ни против какой «истины», ибо истиной как раз и будет то, что он сумеет сделать вероятным. Следовательно, воспитатель не может обучить своего питомца ничему лучшему, как искусству убеждать людей, искусству внушения. Старое средство внушения — музыка — не отвечало софистическому критицизму и головному характеру их мировоззрения. Оставалось *слово*: софисты создали систему образования, организованную вокруг риторики и предлагавшую прежде всего формальное развитие ума» [3. С. 125].

Если софисты, считая целью образования развитие личности, рассматривали человека главным образом в его внешних проявлениях, то уже их современник и непримиримый оппонент Сократ, еще при жизни признанный оракулом храма Аполлона в Дельфах мудрейшим из греков, рассматривал личность прежде всего с точки зрения ее внутреннего мира, отношения чело-

века к самому себе. «Что же есть справедливость сама по себе, благо само по себе, что вообще есть что, независимо от мнений и интенций? Пора человеку обратиться к этим вопросам, а не к суетной возне честолюбий. «Этим-то призывом, — по словам Т. В. Васильевой, — и поразил сограждан Сократ» [8. С. 288–289].

Идеал самопознания и самосовершенствования был центральным звеном всей сократовской философии, что объясняет его напряженный интерес к проблемам образования. На глазах Сократа неумолимо нарастал кризис полиса, принимая, по сути, необратимый характер. Это проявлялось и в усиливающемся имущественном расслоении его граждан, и в резком обострении политической борьбы, и в «падении нравов» среди свободных граждан, и в крушении традиционных ценностей аристократической морали, и в усилившейся борьбе за гегемонию между древнегреческими городами-государствами. В этих условиях афинский мудрец впервые в истории европейской мысли попытался последовательно связать оздоровление общества с правильным воспитанием и обучением каждого человека.

На смену стремлению софистов «оснастить» ум своих учеников силой и гибкостью Сократ, преодолевший их убежденность в относительности всякого знания, поставил необходимость помощи людям в познании Истины. Сократ обратился к нравственной сфере человека и перенес акцент с погони за внешними достижениями в конкретных видах деятельности на стремление к подлинной добродетели.

По словам его ученика Ксенофонта, Сократ утверждал, «что и справедливость, и всякая другая добродетель есть мудрость. Справедливые поступки и вообще все поступки, основанные на добродетели, прекрасны и хороши. Поэтому люди, знающие, в чем состоят такие поступки, не захотят совершить никакой другой поступок вместо такого, а люди незнающие не могут их совершать, и даже если пытаются совершить, то впадают в ошибку» [35. С. 132].

Сократ провозгласил существование абсолютной умопостигаемой истины, знание которой, в отличие от знания ложных мнений, пусть и широко распространенных, только и дает настоящую мудрость. Стоя на позициях безусловного рационализма, Сократ связал добродетель с истинным знанием. Эта установка и определила суть просветительских педагогических взглядов философа, согласно которым посредством образования, приобщения человека к истинному знанию его можно сделать мудрым и, следовательно, добродетельным, а общество совершенным.

Сократ считал человека рожденным для образования. Оно как бы насыщало внутреннюю жизнь людей высшим богатством, делая ее подлинно культурной, позволяя познать истину, обрести свободу и сохранить ее в самых сложных и неблагоприятных ситуациях. В отличие от софистов Сократ стремился наполнить процесс образования этическим содержанием, помочь понять, зачем нужно овладевать теми или иными знаниями в их соотношении с целью человеческой

жизни и в чем, собственно, эта цель заключается. Именно образование, по его мнению, должно привести человека к познанию самого себя, именно оно способствует оздоровлению его нравственности, а, следовательно, и укреплению нравственных устоев общества, что было особенно необходимо для древнегреческих полисов второй половины V в. до н. э.

Платон вслед за Сократом в полном объеме поставил проблему фундаментальных ценностей, то есть таких ценностей, которые обладают абсолютным значением и задают нормативные рамки жизни людей в обществе. Полемизируя с софистами, Платон высказывал убеждение, что даже подлинного искусства речи, то есть именно того, чему прежде всего пытались научить своих учеников софисты, «нельзя достичь без познания истины» [39. С. 170].

Любое благо, желаемое для человека и способствующее обретению им счастья, будь то власть или богатство, красота или здоровье, лишь в том случае станет для него подлинным благом, если будет опираться на мудрость, подкрепляться знанием, позволяющим отличать истинное благо от ложного. «Мудрость, — утверждал Платон, — во всем несет людям счастье, ибо мудрость ни в чем не ошибается, но необходимо заставляет правильно действовать и преуспевать... Поскольку мы все стремимся к счастью и, как оказалось, мы счастливы тогда, когда пользуемся вещами, причем пользуемся правильно, а правильность эту и благополучие дает нам знание, должно, по-видимому, всякому чело-

веку изо всех сил стремиться стать как можно более мудрым» [40. С. 170].

Только знание позволяет людям постигать истинные ценности, делать осознанный выбор, быть добродетельными, становиться совершенными. Таким образом, сущность всех важнейших добродетелей, к числу которых Платон относил мужество, рассудительность, благочестие, справедливость, составляло, по его мнению, знание. Истинное знание, ведущее к подлинной добродетели, т. е. знание идеи добродетели, не может быть постигнуто в процессе традиционного догматического обучения. Оно может быть только и исключительно результатом самопознания, открывающего истину внутри самого человека в его душе (знаменитое сократовское «познай самого себя»³). По Платону, человек, стремящийся к истине, должен преодолеть распространенные ошибочные мнения, которые отражают внешнюю видимость явлений жизни, и познать их глубинную истинную сущность. Человек сам из себя, из своей души трудно и мучительно рождает истинное знание, позволяющее ему делать правильный выбор, отличать подлинное благо от мнимого, быть добродетельным в своих поступках, приближаться к идеалу калокагатии.

В центр своей образовательной программы Платон, развивая традицию, идущую от Пифагора, поставил математику. По словам А.-И. Марру, Платон «указывает на огромные развивающие возможности математики; в этом отношении она, по его

словам, несравненна; она пробуждает ум, придает ему гибкость, живость и памятьливость... Математика является главным орудием «обращения» души, того внутреннего обновления, которое пробуждает ее для подлинного дневного света и делает способной созерцать уже не тени «подлинно существующих вещей», а «саму реальность». Чтобы добиться такого эффекта, важно было поставить занятия так, чтобы они побуждали ум удалиться от чувственно воспринимаемого, мыслить и воспринимать умопостигаемую, единственную подлинную реальность, единственную абсолютную истину» [37. С. 111].

Параллельно с Платоном свою программу образования выдвигает, обосновывает и практически реализует в своей школе Исократ. Он не только полемизирует с любимым учеником Сократа, но и резко критикует педагогическую деятельность софистов, что находит яркое выражение в его программной речи «Против софистов», написанной в 390 г. до н. э., спустя два года после открытия риторической школы.

Вместе с тем М. А. Гаспаров подчеркивает, что «Исократ был учеником Горгия и прямым наследником софистической образовательной системы. Однако он внес в нее самые решительные изменения. Прежде всего, он полностью отказался от софистических притязаний на знание всех наук. Его школа давала ученикам не сумму знаний, а искусство пользоваться знаниями, ключ к человеческой

³ «Познай самого себя» было начертано на Дельфийском храме. Посетив его, [Сократ] согласно преданию, сделал эти слова девизом своей жизни.

культуре. Поэтому Исократ называл себя философом, но это слово он понимал иначе, чем Сократ и Платон. Умозрительная философия была слишком неудобна для практической жизни, в которой приходится иметь дело не с истинами, а с мнениями. Поэтому тем ключом к деятельности, каким для Платона была Истина, для Исократ стало Слово. Исократ соглашался, что искусство правильно говорить и правильно мыслить едино, но он считал, что первое искусство должно подводить ко второму, а не второе к первому. Он высказывал мнение, что красноречие и добродетель должны быть неразрывны, но больше рассчитывал не на то, что добродетельный человек будет искать дополнения своему совершенству в красноречии, а на то, что красноречивый человек будет подкреплять авторитет своей речи авторитетом своей личности. Во всех этих суждениях виден искусный воспитатель, привыкший обдумывать не только цель, но и путь к этой цели. Таким путем была для Исократ риторика. Риторика стояла в центре его образовательной системы, элементы других знаний были только подготовкой к ней. Исократ усовершенствовал риторическую теорию, умерив крайности софистического стиля, изгнав из прозаической речи слишком яркие поэтические слова и ритмы и выработав тип пространного и стройного, в меру ритмизованного речевого периода. Его идеалом была речь легкая и изящная, которую простой человек поймет, а знаток оценит» [9. С. 11–12].

Обращаясь к более детальному рассмотрению педагогического насле-

дия Исократ, прежде всего, обратимся к пониманию им воспитуемости и обучаемости человека как такого в контексте своеобразия его антропологической природы.

В речи «Против софистов» Исократ яростно критикует тех наставников, которые «обещают сделать своих учеников такими искусными ораторами, что от их внимания не ускользнет при разборе ничего существенного». И «при этом в вопросе о приобретении такой способности... не придают никакого значения ни опыту, ни природным дарованиям ученика, но утверждают, что искусство красноречия они смогут передать все равно, что знание алфавита» [28. С. 284–286]. В этой речи Исократ обращается к проблеме соотношения природных дарований, опыта и обучения как условий достижения желаемых педагогических результатов. Он пишет: «Способность к ораторской деятельности и ко всяким другим занятиям присуща прежде всего тем, кто одарен от природы и кто достаточно долго занимался на практике. Обучение же делает таких людей более искусными и более изобретательными, ибо оно дает им возможность быстрее находить то, на что раньше они натывались случайно, после долгих блужданий. Напротив, людей сравнительно менее одаренных обучение не сможет сделать хорошими спорщиками или составителями речей, хотя, конечно, оно будет способствовать их личному совершенствованию и сможет сделать их более разумными во многих отношениях... Я утверждаю, что овладеть знанием общих приемов, с помощью

которых мы произносим и составляем все вообще речи, не является делом чересчур трудным, если только мы отдадим себя в руки не тех, кто дает легкомысленные обещания, а тех, кто действительно обладает какими-то знаниями в этой области. Однако выбрать для каждого сюжета те именно приемы, какие нужно, сочетать их между собой и применить в надлежащем порядке, кроме того, не ошибиться в оценке обстоятельств, расцветить всю речь соответствующими случаю рассуждениями и изложить их в соразмерных и изящных выражениях — все это требует огромной заботы и является делом сильного и проницательного ума. Надо, чтобы ученик обладал необходимыми природными качествами, а кроме того изучил виды речей и приобрел опыт в их использовании. Со своей стороны, учитель должен быть в состоянии тщательно разобрать все эти вопросы так, чтобы не упустить ничего такого, что может быть преподано; в остальном он должен сам являть собою такой пример, чтобы все, сформировавшиеся в его школе и обладающие даром подражания, сразу же выделились среди других яркостью и прелестью своих речей» [28. С. 284—286].

Опыту и дарованиям человека Исократ придавал особое значение. «В каждом деле заслуживают уважения люди наиболее опытные и способные», — писал он в «Панегирике» [27. С. 49]. Но и воспитание и обучение «способны принести пользу... человеческой природе», — утверждал он в речи «Об обмене имуществом» [25. С. 347].

В «Панегирике» Исократ обращается к вечной педагогической проблеме соотношения природных дарований, опыта и обучения. В ее решении его точка зрения противостоит позиции софистов, бравшихся за деньги обучить любого умению побеждать в политических баталиях независимо от его способностей и происхождения. Ему значительно ближе древняя аристократическая традиция, связывавшая успешность подготовки человека к различным видам деятельности с его врожденными способностями и дарованиями, которые, впрочем, следует всячески развивать и надлежащим образом культивировать. Эта позиция была близка точке зрения аристократа Платона, считавшего, что «правильное воспитание и обучение пробуждают в человеке хорошие природные задатки» [38. С. 193]. Однако Исократ огромное внимание уделяет также личному жизненному опыту человека.

В речи «Об обмене имуществом» Исократ утверждает, что людей, обучая и воспитывая, можно «довести... до такого состояния, что те станут лучше, чем были. Одни из них окажутся обладающими более совершенным разумом, другие — более совершенным и развитым телом». Однако нет науки, которая позволит учителям «воспитать из тех, кого они захотят, одни — атлетов, другие — искусных ораторов. И хотя кое в чем они смогут оказать помощь, в целом же названные способности присущи только выделяющимся среди остальных как природными дарованиями, так и особенно ревностным прилежанием». По его

мнению, достичь совершенства человек может только в том случае, если и при организации его развития будет иметь место сочетание трех факторов: природного дарования, надлежащего обучения и практического опыта. «Мы говорим, — пишет Искрат, — что те, кто хочет выделяться среди остальных или в области ораторского искусства, или в сфере государственной деятельности, или в каком-либо ином деле, прежде всего должны быть хорошо одаренными от природы в области той деятельности, которую они для себя избрали; затем они должны пройти обучение и овладеть теорией, которая существует в каждой области; наконец, они должны приобрести достаточный опыт и проделать ряд упражнений, пользуясь и применяя этот опыт. В результате каждый из них достигнет совершенства в своем деле и оставит далеко позади себя всех остальных». Исократ отмечает, что те, кто учится и хочет достичь совершенства в избранном деле, во-первых, «должны обладать надлежащими природными дарованиями», во-вторых, постоянно упражняться «с целью приобретения опыта», в-третьих, «твердо придерживаться правил, которые им преподаются». При этом Исократ четко указывает, на то, что именно, по его мнению, из всего этого имеет наибольшее значение в деле обучения ораторскому искусству, да и обучения вообще: «Природное дарование является самым главным и далеко превосходит все остальное». Разъясняя свою точку зрения, он пишет: «Если человек имеет душу, способную изобретать, познавать,

трудиться и запоминать, прекрасный голос и такую ясность речи, которая способна убеждать слушателей самой благозвучностью его слов, а не только тем, что он говорит, и если к тому же он обладает смелостью — не той, которая является признаком бесстыдства, а той, которая вместе с благоразумием совершенствует душу человека настолько, что он выступает перед всеми гражданами с ничуть не меньшей непринужденностью, чем размышляя наедине с самим собой, — кто смог бы тогда отрицать, что такой человек, получив даже и не особенно тщательное, а только поверхностное, обычное для всех образование, станет таким оратором, подобного которому среди эллинов никогда не было? Мы знаем и таких людей, которые получили от природы более скромные задатки, но которые выделились среди остальных своим трудолюбием и усердием; они не только сумели подняться над прежним своим уровнем, но даже стали лучше тех, кто, будучи богато одарен от природы, не проявил о себе надлежащей заботы. Поэтому и то и другое важно как для воспитания оратора, так и для воспитания практического государственного деятеля; но, лишь оказавшись объединенными в одном лице, оба эти начала делают человека непревзойденным по сравнению со всеми остальными. Вот то, что я думаю по поводу природных данных и опыта. Что же касается процесса обучения, то о нем я не могу утверждать то же самое: сравнительно с природными данными и опытом его воздействие носит иной характер, не сходный с предыдущим. Если кто-нибудь про-

слушает весь курс обучения риторике и добьется большего совершенства по сравнению с другими, то он, может быть, станет сочинителем речей более искусным, чем большинство других, но, представ перед толпой, если у него не хватит только одного — а именно смелости, — он, пожалуй, не сможет сказать ни слова» [25. С. 340—342].

Таким образом, природные дарования являются, согласно Исократу, важнейшей предпосылкой успеха человека в том деле, к которому он стремится. Природные недостатки есть то, что человек может пытаться преодолеть, прилагая к этому огромные усилия, обретая необходимый жизненный опыт в своем повседневном общении, в различных видах деятельности и отношений, в которые он оказывается включенным: «Всякий, кто хочет стать воспитанным человеком, не должен оставлять неиспробованным буквально ничего, но отовсюду обязан добывать для себя полезное. Ибо даже при таком старании человек лишь с трудом может одолеть свои природные недостатки» [21. С. 20].

В «Панафинейской речи» Исократ изложил свое понимание «воспитанного человека». В идеал воспитанного человека он не включал мастерство, познания и таланты, т. е. то, что приобретает посредством обучения и развивая врожденные способности. Для Исократы воспитанные люди — «это прежде всего те, кто хорошо справляется с повседневными делами, а также пользуется репутацией людей, умело применяющихся к обстоятельствам и способных как можно лучше добиваться того, что полезно. Затем,

воспитанные люди — это те, кто достойно и справедливо общаются с близкими себе людьми, легко и терпеливо переносят неласковое обращение и тяжелый нрав других и выказывают себя, насколько это возможно, самыми кроткими и сдержанными в отношении к домашним. Наконец, это люди, которые всегда одерживают верх над жаждой наслаждений, не слишком сильно поддаются несчастьям, но ведут себя в них мужественно и достойно тех природных свойств, которыми и я как раз располагаю. В-четвертых, — что самое важное, — это те, кого не развращает успех. Они не меняются, не становятся высокомерными, но остаются в границах, свойственных благоразумным людям. Благам, дарованным судьбой, они радуются меньше, чем дарованным изначально их собственными природными данными и здравым смыслом... Люди, чьи свойства души соответствуют не одному только из указанных достоинств, но каждому из них, — это мудрые и совершенные, мужи, обладающие всеми добродетелями» [26. С. 231]. Для Исократы воспитанный человек — это человек развитый нравственно, При чем нравственность его мудра, так как основывается на разуме.

В речах «К Демонику» и «К Никоклу» Исократ, обращаясь к юношам, призывает, во-первых, и, прежде всего, развивать разум [21. С. 18]. «Все люди... должны придавать большое значение развитию своего ума» — утверждает он [30. С. 198]. Во-вторых, вырабатывать твердость характера [21. С. 14]. В-третьих, учиться властвовать собой [21. С. 27].

В-четвертых, формировать привычку думать о том же, о чем говоришь [21. С. 29]. В-пятых, изучать на опыте и с помощью философии тот предмет, которым стремишься овладеть, «ибо занятие философией укажет... путь, а практические упражнения дадут силу, чтобы справиться с любым делом» [23. С. 28]. В-шестых, подражать в своих поступках тем людям, слава которых вызывает зависть [23. С. 29]. В-седьмых, «суметь превзойти других такими качествами, которые ни в коей степени не свойственны дурным людям, а являются самыми благородными, самыми прочными и заслуживающими наибольшей похвалы» [23. С. 41]. В-восьмых, приучать тело к труду: «Упражняй себя добровольными трудами, чтобы при случае быть в состоянии переносить и вынужденные» [21. С. 14].

Таким образом, важнейшим элементом образовательного идеала у Исократы оказываются свойства и качества человека, которые ориентированы на простые нормы нравственности, очевидны и понятны здравому смыслу, могут быть полезны в повседневной жизни, позволяют людям справляться с каждодневными проблемами, чувствовать себя способными их успешно решать.

Исократ стремился не к идеалу высокой «неземной истины», как это делал Платон, говоря о подлинном знании, а к нравственно насыщенному общепринятому мнению, доступному и понятному каждому разумному человеку: «Когда некоторые из простых людей... замечают, что те, кто обучает мудрости и наделяет других счастьем,

сами во многом нуждаются и от учеников своих получают жалкую плату, что они выискивают противоречия в словах, а в делах их не замечают, что вдобавок они претендуют на знание будущего, а о настоящем не могут ни сказать, ни посоветовать ничего дельного, что, напротив, те, кто руководствуется общепринятыми мнениями, более согласны друг с другом и чаще добиваются успеха, чем те, кто громко заявляет об обладании знанием, — тогда вполне естественно, на мой взгляд, что эти люди проникаются презрением к такого рода занятиям и считают их праздною и пустой болтовней, а не заботой о душе» [28. С. 284].

По мнению Исократы, «все люди стремятся к своей выгоде и к преимуществам перед другими». При этом «они не знают, какие действия приводят к этому, и расходятся друг с другом в суждениях: у одних суждения здравые и способные наметить правильный путь, у других — ложные, уводящие чрезвычайно далеко от того, что полезно» [24. С. 155]. Люди по своей природе отнюдь не склонны к должному поведению. «Ведь если бы мы захотели взглянуть на природу людей в целом, — пишет он, — то обнаружили бы, что большинство из них не находит радости в наиболее здоровой пище, в прекрасных поступках, в превосходных делах, в полезных животных, но испытывает удовольствие в том, что совершенно противно пользе, причем воздержанными и трудолюбивыми считаются те, кто хоть в чем-то поступает надлежащим образом» [23. С. 30]. Исократ различает людей порядочных и людей дурных, отличаю-

щихся друг от друга настроениями и помыслами [23. С. 10]. Он утверждает, что «некоторые люди от природы... недоброжелательны» [30. С. 183].

Исократ делит людей на «низких» и «благородных», утверждая, что они различны по своей природе, хотя эти различия не носят абсолютного характера и могут со временем меняться: «Мужеством, ловкостью и прочими блестящими качествами, как я видел, обладали даже многие низкие люди, справедливость же и скромность были исключительным достоянием благородных. <...> Справедливо... хвалить и уважать тех, кто по природе своей благоразумен, однако еще больше заслуживают этого люди, которые становятся такими сознательно. Ведь все, кто по воле случая, а не намеренно придерживается скромного поведения, при случае могут и измениться, тогда как люди, обладающие, помимо природных склонностей, еще и убеждением, люди, верящие, что добродетель есть величайшее из благ, несомненно, останутся верными такому настроению всю свою жизнь» [23. С. 42]. При этом Исократ убежден: «Никогда не существовало и не существует теперь такого искусства, которое заронило в души людей, развращенных по природе, семена добродетели и справедливости» [25. С. 358].

В отличие от софистов Исократ весьма взвешенно оценивает возможности педагогической деятельности. «Не надо думать, — писал он — что я придерживаюсь того взгляда, будто бы справедливости можно научить. Я считаю, что вообще нет никакого такого искусства, которое могло бы

привить целомудрие и справедливость людям с плохими задатками к добродетели. Тем не менее, я думаю, что занятие политическим красноречием более всего могло бы побудить человека к выработке в себе таких качеств» [28. С. 287].

Вообще же Исократ был уверен, что важнейшую роль в деле формирования человека играет та социальная ситуация, в которой он живет, иначе говоря, человека «воспитывает» общественное устройство. Рассуждения на эту тему (с апелляцией к идеализированному Исократом политическому опыту Афин эпохи Солона первой половины VI в. до н. э. и последующих десятилетий) содержатся в «Ареопагитике»: «На самом же деле гражданам, живущим при правильно организованном строе, нужно не заполнять текстами законов портики, а хранить справедливость в своей душе: ведь не от народных постановлений, но от нравственных добродетелей зависит хорошее состояние государства. Дурно воспитанные люди не останавливаются перед нарушением законов, хотя бы и написанных с наибольшей точностью, тогда как хорошо воспитанные пожелали бы соблюдать даже самое простое законодательство. Придерживаясь такого образа мыслей, члены Совета заботились, прежде всего, не о средствах наказания для нарушителей законов, а о создании таких условий, при которых граждане не совершали бы ничего, достойного наказания. Это они считали своим долгом, усердствовать же в мыслях о наказаниях они предоставляли врагам. Они заботились так обо всех гражда-

нах, но больше всего — о молодых. Ведь они видели, что в этом возрасте люди особенно неустойчивы по своему характеру и буруеваемы различными страстями. Души их поэтому более всего нуждаются в укрощении приверженностью к благородным занятиям и трудам, доставляющим радость. Только такие занятия смогли бы привлечь и сдержать тех, кто получил воспитание, достойное людей свободных и приученных к высокому образу мыслей. Однако неравенство в жизненных средствах не позволяло всем заниматься одним и тем же. Поэтому каждому определялось то занятие, которое подходило к его имущественному положению. Менее состоятельных обращали к земледелию и морской торговле, ибо бедность порождается праздностью, а преступление — бедностью. Уничтожая, таким образом, первопричину зла, члены Совета стремились освободить граждан и от других преступлений, происходящих от праздности. Тех же, кто обладал достаточными средствами, они заставляли заниматься верховой ездой, физическими упражнениями, охотой и философией, они видели, что из людей, получивших такое воспитание, одни достигают совершенства, другие же воздерживаются от большинства пороков» [17. С. 139—140].

Проблема педагогической организации развития человека ставилась и решалась Исократом с опорой на существовавшие в Эллад традиции обучения и воспитания подрастающих поколений: «Некоторые из лю-

дей, живших задолго до нас, видя, что искусства, связанные со всеми остальными сторонами жизни, весьма многочисленны, но нет таких, которые занимались бы воспитанием и тела и души, изобрели и завещали нам две науки: та, объектом которой является человеческое тело, называется педотрибика, и частью ее является гимнастика, другая же занимается душой человека и называется философией — о ней-то я и собираюсь говорить. Обе эти науки соответствуют друг другу, связаны и согласованы между собой, и с их помощью наставники этих наук делают человеческие души более разумными, а тела — более способными к действию; наставники этих наук недалеко отстоят друг от друга и пользуются сходными методами обучения, сходными упражнениями и другими сходными средствами. Когда они берут себе учеников, педотрибы обучают поступивших к ним в учение приемам и положениям, изобретенным для борьбы; те же, кто преподает философию, обучают учеников всем основным темам, которые используются при составлении речи. Затем, когда ученики приобрели в этом опыт и хорошо овладели указанными приемами, учителя вновь их упражняют, приучают преодолевать трудности, заставляют связывать в единое целое все элементы, которые они изучили, чтобы лучше утвердить их в овладении основами своего искусства и приблизить их теоретические знания⁴ к могущим возникнуть обстоятельствам. Охватить все эти обстоятель-

⁴ Исократ имеет в виду рабочую теорию, основанную на опыте.

ства теорией невозможно, так как во всей совокупности предметов они не поддаются науке; те же из учеников, которые проявляют самое большое старание и могут здраво оценивать факты и их последствия, сталкиваются с ними в большинстве случаев» [25. С. 340].

Исократ говорит, что обучает тех, кто занимается философией [21. С. 11]. Здесь, по словам современного комментатора, он употребляет термин *философия* «для обозначения занятий науками вообще, причем под этим понимается главным образом моральное и политическое воспитание, соединенное с риторическим образованием, иными словами то, что составляет предмет практического воспитания, ставящего целью „хорошо воспитанного человека“» [21. С. 11]. Отечественный исследователь античной педагогики Г. Е. Жураковский писал о том, что «программы занятий в школе Исократ, объединяемые им в общем понятии „философия“, фактически распадалась на риторику, грамматику, родоисхождение, мифологию, юриспруденцию и философию в узком смысле слова» [14. С. 469].

Исократ исключительно высоко оценивал значение философии для человека. Философия, писал он, «воспитала нас для общественной жизни и смягчила наши нравы; она научила нас отличать несчастья, вызванные невежеством, от вызванных необходимостью, одних — остерегаться, другие — мужественно переносить» [29. С. 53]. Исократ утверждал, что целью изучения философии является «достижение добродетели», развитие

способности «правильно действовать» [23. С. 32—33].

В деле обучения философии Исократ делал акцент на развитие мыслительных способностей человека: «Специалисты, обучающие философии, расходятся лишь в выборе упражнений, необходимых для совершенствования души: одни утверждают, что их ученики станут рассудительнее, благодаря искусству спорить, другие выдвигают политическое красноречие, третьи — еще что-нибудь, однако все согласны с тем, что человек, получивший хорошее воспитание, должен любым из этих способов показать себя умеющим рассуждать» [23. С. 32—33].

Отвечая на вопрос, что же в действительности представляет собой философия, Исократ пишет: «Мое рассуждение является простым и ясным. Поскольку человеческой природе не присуща способность овладеть знаниями, обладая которыми мы могли бы знать, что нам следует в жизни делать или говорить, то я из всех остальных считаю мудрецами тех, которые в своих суждениях способны прийти к наилучшему решению; философами же я назову тех, кто посвящает свое время таким занятиям, которые им помогут быстрее способом достичь высшей способности понимания наилучшего» [25. С. 358].

Превознося философию и подчеркивая, что «эта философия была открыта нашим городом» (т. е. Афинами), Исократ обращает внимание на то, что в Афинах сформировалось особое отношение к красноречию. «Наш город, — писал он, — окружил

почетом красноречие, к которому все стремятся, завидуя тем, кто им обладает. Наш город хорошо понимал, что дар слова — единственное преимущество, предназначенное нам природой и выделяющее нас из мира животных: благодаря этому дару мы превзошли их и во всем остальном. Город знал о превратностях судьбы. Ведь и в других видах нашей деятельности рассудительные люди часто терпят неудачу, а глупцы преуспевают, тогда как художественно обработанные речи недоступны невеждам, но по силам людям рассудительным. Именно в этом и состоит резкое различие между людьми учеными и невеждами. Наш город понимал, что человека узнают не по мужеству, богатству или другим таким же преимуществам. Людей, получивших с детства воспитание, достойное свободного человека, можно узнать главным образом по их речи. Это и составляет самый верный признак такого воспитания для каждого из нас. Люди, хорошо владеющие словом, не только пользуются влиянием в своем государстве, но и за его пределами окружены почетом. Наш город настолько опередил других людей в искусстве мыслить и выражать свои мысли, что его ученики стали учителями других, а самое имя эллина становится уже обозначением не происхождения, но культуры. Эллинами чаще называют получивших с нами образование, чем людей одного и того же происхождения» [27. С. 53–54].

Способность к речи — важнейший признак человека: «То, что мы обладаем врожденным даром убеждать друг друга и разъяснять все, что мы

захотим, не только позволило нам отбросить образ жизни животных, но и дало возможность основывать, соединяясь вместе, города, издавать законы, изобретать ремесла и искусства, да и вообще почти все, что выдуманно и изобретено нами, имеет в качестве созидательной первоосновы человеческую речь. Последняя установила законы о том, что является справедливым или несправедливым, прекрасным или постыдным; и если бы все это не было определено, мы не смогли бы жить совместной жизнью. При помощи речи мы изобличаем порочных и восхваляем добрых, ею обучаем мы неразумных и воспитываем умных. Способность надлежащим образом высказываться мы считаем важнейшим признаком мудрости, а правдивая, сообразующаяся с законами и справедливая речь является отображением души прекрасной и верной. С помощью речи мы разрешаем между собой спорные вопросы и исследуем неизвестное: ведь теми же способами доказательства, при помощи которых мы убеждаем других, мы пользуемся, раздумывая наедине сами с собой, и красноречивыми мы называем тех, кто способен выступить перед народом, рассудительными же мы считаем таких, кто наедине с самим собой способен составить себе наилучшее мнение о предмете. И если надо подвести итог сказанному о значении речи, то мы найдем, что никакое разумное дело не совершалось без ее помощи, но речь всегда была началом и основой всех и всяческих дел и планов и самые разумные люди пользовались ею особенно часто» [25. С. 355].

Ставя задачу воспитания посредством изучения философии и обучению красноречию, Искорат был убежден, что занятия должны быть направлены на совершенствование человека, а не на достижение своекорыстных эгоистических интересов: «Есть люди, которые неприязненно относятся к красноречию и сильно порицают всех, кто занимается философией, утверждая, что целью подобных занятий является не достижение добродетели, а своекорыстная выгода. Признаюсь, я с удовольствием спросил бы у людей с такими убеждениями: почему они порицают всех, кто желает хорошо говорить, и в то же время осыпают похвалами тех, кто стремится правильно действовать? Ведь если их огорчает выгода, то нам легко убедиться, что она чаще и больше проистекает от дел, нежели от слов. Далее, нелепо также не замечать, что мы относимся благочестиво к богам, почитаем справедливость и воспитываем в себе прочие добродетели не для того, чтобы оставаться в худшем положении по сравнению с другими, а наоборот, чтобы окружить свою жизнь как можно большими благами. Поэтому надо осуждать не занятия, с помощью которых можно добиться выгоды честным путем, а людей, которые допускают предосудительные поступки и пользуются речами для обмана и нечестных целей. Меня удивляет, как это люди с такими взглядами не осуждают богатство, силу, мужество? Ведь если из-за преступников и обманщиков они относятся сурово к красноречию, то им следует тогда порицать и все другие способности людей, ибо среди

тех, кто обладает ими, также найдутся такие, которые используют их предосудительно и во вред другим. Однако несправедливо осуждать силу только потому, что кто-то обрывается с побоями на встречах, или порицать мужество из-за отдельных негодаев, убивающих ни в чем не повинных людей, или вообще переносить на вещи то, что проистекает от человеческой подлости. Скорее, надо порицать тех, кто дурно пользуется этими благами и то, что способно приносить пользу, пытается обратить во вред своим согражданам. Между тем отдельные люди, не удосужившись разграничить таким образом одно от другого, неприязненно относятся ко всякому красноречию и настолько упорствуют в своем заблуждении, что даже не замечают, как становятся врагами такого свойства человеческой природы, которое является источником высших благ. В самом деле, во всем остальном, чем нас наделила природа, мы ничуть не превосходим животных. Более того, многим из них мы даже уступаем в быстроте, в силе и в других полезных качествах. Однако, обладая способностью убеждать друг друга и ясно выражать любые свои мысли, мы не только покончили с животным образом жизни, но и объединились в общество, основали города, установили законы и изобрели искусства. И почти во всем, что было нами придумано, нам оказало свое содействие слово. Это оно установило границы справедливого и несправедливого, прекрасного и постыдного; без этих разграничений мы не смогли бы вести совместную жизнь. Это с его помо-

щью мы изобличаем дурных и превозносим хороших, через его посредство наставляем безрассудных и испытываем разумных, ибо умение говорить так, как следует, мы считаем величайшим признаком рассудительности и в правдивом, честном и справедливом слове видим отображение доброй и справедливой души. С помощью слова мы рассуждаем о спорных и размышляем о непознанных предметах, ибо доводы, которыми мы пользуемся для убеждения других, служат нам и для собственного размышления. При этом красноречивыми мы называем тех, кто обладает способностью выступать перед народом, а рассудительными признаем таких, которые наедине с собою могут лучше всего рассудить о деле. Если бы понадобилось кратко охарактеризовать этот дар человека, то мы могли бы сказать: ничто из того, что совершается с разумом, не обходится без помощи слова; более того, во всех делах и помыслах слову принадлежит руководящая роль, причем особенно успешно им пользуются те, кто обладает наибольшим умом. Поэтому все, дерзающие клеветать на обучающихся красноречию или на занимающихся им, заслуживают ненависти ничуть не меньше, чем осквернители храмов» [23. С. 32–34].

Исократ видит смысл образования не только в том, чтобы научить, сообщить знания и выработать умения и навыки их практического применения. Он идет значительно дальше, усматривая в образовании средство нравственного воспитания, исправления характера и акцентируя внимание на огромной практической поль-

зе репутации порядочного человека: «Все, кто обучает молодых людей не приемам, благодаря которым они смогут выработать мастерство в речах, а способу приобрести репутацию людей порядочных по своему нравственному облику, — эти приносят слушателям несравненно большую пользу, чем первые: те призывают только к занятию красноречием, эти же исправляют их характер» [21. С. 11].

Образование должно помочь «достичь добродетели — достояния, величественнее и прочнее которого нет ничего на свете» [21. С. 11]. Обладание добродетелью, по мнению Исократа, «когда она развивается закономерно, вместе с духовными силами, — единственное, что не покидает человека даже в старости. Оно лучше богатства и полезнее знатности, ибо оно делает возможным то, что невозможно для других, и дает силы на перенесение того, что внушает страх массе людей, с порицанием заставляет относиться к бездействию и с похвалой — к труду» [21. С. 11–12]. Люди почитают справедливость и воспитывают «в себе прочие добродетели не для того, чтобы оставаться в худшем положении по сравнению с другими, а наоборот, чтобы окружить свою жизнь как можно большими благами» [23. С. 33]. При этом Исократ утверждал: «Никто не мог бы убедить меня считать что-либо более полезным, чем справедливость» [18. С. 117]. Он писал: «Меня удивляет, если кто-либо думает, что люди, проявляющие благочестие и справедливость, упорно хранят верность этим добродетелям, рассчитывая на удел худший, чем у людей дурных, а не по-

тому, что надеются снискать и у богов, и у людей больше, чем другие. Я убежден, что только добродетельные люди получают подлинные преимущества, в то время как остальные получают преимущества, не приводящие к добру. Ибо я замечаю, что люди, которые предпочитают несправедливость и считают величайшим благом присвоение чужого, испытывают то же самое, что животные, попавшиеся на приманку: вначале они вкушают от того, что схватили, а немного времени спустя претерпевают страшные бедствия. Те же люди, которые живут в благочестии и справедливости, чувствуют себя в безопасности в настоящее время и питают еще более радостные надежды на всю свою жизнь в будущем. И если даже обычно это получается не во всех случаях, то все же по большей части дело обстоит именно так. И поскольку мы не можем усмотреть действий, которые всегда окажутся полезными, люди здравомыслящие должны предпочитать такие действия, которые приносили пользу многократно. Но крайнюю непоследовательность проявляют те люди, которые хотя и признают, что справедливый образ действий благороднее и угоднее богам, чем несправедливый, в то же время думают, что соблюдающие справедливость окажутся в худшем положении, чем те, которые предпочли подлость» [24. С. 156].

Исократ был убежден, что идеальный человек с детства должен обладать красотой, силой и скромностью, а по возмужанию обрести еще мужество, мудрость и справедливость [30. С. 186], что «все люди... долж-

ны придавать большое значение развитию своего ума» [30. С. 198].

В речи «К Демонику» Исократ указывает на огромное значение вербального обучения [21. С. 12–14]. Проникнуться правильными мыслями может тот, кто слушает множество полезных советов, ибо души развиваются «полезными речами». Слушая полезные речи, следует учиться, овладевая новыми знаниями. Таким путем человеку «с легкостью удастся узнать то, что другие постигли с трудом». Поэтому Исократ призывает использовать досуг «на прилежное слушание речей». По его мнению, «множество выслушанных наставлений полезнее множества денег. Деньги быстро иссякают, тогда как наставления остаются на всю жизнь, ибо мудрость — единственное из всех достояний, которое бессмертно».

Говоря о том, что людей «следует приучать к тому, чтобы они внимательно слушали рассказы о поступках, заслуживающих похвалы» [30. С. 183], Исократ также отмечает и роль примера в воспитании: «Молодых людей побуждайте к добродетели не только наставлениями, но и практическим примером, показывая им, какими должны быть хорошие граждане» [23. С. 40].

Говоря о том, что «мы воспитываем у своих учеников приверженность к тем же самым принципам, каких мы привыкли придерживаться сами» [25. С. 352], Исократ высоко оценивал роль личного общения в воспитании: «Я хорошо знаю, насколько выше стоит личное общение по сравнению со всякой перепиской для тех людей,

которые хотят выступить с советами. Это происходит не только потому, что об одних и тех же вещах легче говорить при личной встрече, чем объясняться письменно, и также не из-за того, что все люди скорее доверяют словам, высказанным устно, нежели написанному тексту, внимая первым как полезным поучениям, вторые же принимая за сочинения литературного характера. Ко всему этому ведь надо еще добавить, что при устных беседах, если что-нибудь покажется непонятным, или неизвестным, или не заслуживающим доверия, то присутствующий рассказчик может коренным образом изменить дело; в письмах же и литературных сочинениях, если что-нибудь подобное будет иметь место, некому исправить положение (так как пишущий человек отсутствует, некому выступить с разъяснением того, что написано)» [21. С. 430].

Исократ рассказывает о своем опыте обучения учеников красноречию: «Я привык говорить тем, кто изучает у меня науку красноречия, что нужно обращать внимание, прежде всего, на то, чего следует добиваться как самой речью, так и отдельными частями речи. Когда же мы это определили и точно установили, тогда, утверждая я, надо искать приемы, с помощью которых все это будет осуществлено и достигнута цель, которую мы поставили перед собой. Хотя я говорю все это по поводу искусства составления речей, принцип этот лежит в основе всех других занятий, а также и ваших дел. В самом деле, никакой разумный поступок не может быть совершен, если вы предварительно с

большой предусмотрительностью не обдумаете и не примете решения, как вы должны прожить оставшееся время, какой избрать себе образ жизни, к какой славе стремиться, каких почестей добиваться — таких ли, которыми сограждане награждают добровольно, или тех, которые предоставляют против своей воли. Определив все эти цели, вы должны только после этого рассмотреть вопрос, в какой мере дела, ежедневно совершаемые вами, соответствуют целям, поставленным в самом начале. И подобным образом стремясь к полезному, соответствующему поставленной цели, вы достигнете ее с помощью разума; если же вы не поставите перед собой подобную цель, но будете делать то, что придет вам в голову, вы неизбежно станете страдать от неопределенности ваших замыслов и совершать многочисленные ошибки» [22. С. 444—445].

Акцентируя внимание на необходимости широкого литературного образования, наполненного глубоким нравственным содержанием, на необходимость изучения славного исторического прошлого полиса, его законодательных установлений, Исократ поднимает проблему целесообразности изучения иных наук. Он приводит мнение, согласно которому «необходимо, пренебрегая наслаждениями, заниматься астрономией, вычислениями и геометрией: эти науки одни хвалят за то, что в ряде случаев они имеют практическое значение, другие же пытаются доказать, что эти науки больше всего способствуют достижению добродетели» [19. С. 219].

В отличие от Платона Исократ не ставит математические науки в центр своей образовательной программы. Однако, понимая их пользу, он дает следующие рекомендации по их изучению: «Те, кто занимается астрологией, геометрией и другими науками этого рода, не только не вредят, но и приносят пользу своим ученикам, хотя и меньшую, чем они обещают, но большую, нежели это кажется другим. Ведь у большинства людей утвердилось мнение, будто эти науки являются пустяковой и ничего не стоящей болтовней, ни одна из них якобы не приносит пользы ни в частных, ни в общественных делах, а знания эти не остаются в памяти учеников вследствие того, что им нельзя найти применения на протяжении всей жизни: эти знания не доставляют никакой помощи в делах, но полностью находятся за пределами всего того, что необходимо для человека. Однако, не придерживаясь такого мнения, я не разделяю и далеко отстоящего от него: мне представляется, что правы те, кто считает подобного рода образование бесполезным в практической жизни; однако истину, кажется мне, говорят и те, кто восхваляет его. Я высказал это противоречивое мнение по той причине, что и сами эти науки обладают природой, совершенно отличной от остальных наук, которыми занимаемся мы. Остальные науки обычно тогда приносят нам пользу, когда мы овладеваем ими, эти же не дают никаких преимуществ тем, кто их постиг (за исключением тех, кто избрал преподавание этих источников существования), однако тем, кто их изучает,

они полезны. А именно, занимаясь прилежно и тщательно астрологией и геометрией, вынужденные напрягать свой ум для изучения трудно постигаемых вещей, привыкнув подолгу задерживаться над мыслью и напрягать ум над всем сказанным и доказываемым, приучившись не рассеиваться — всем этим упражняя и оттачивая свой ум, они легче и быстрее могут усваивать и постигать более полезные, заслуживающие большего внимания науки. Конечно, я не считаю, что можно называть философией те занятия, которые не приносят пользы человеку в данный момент и не помогают ни в искусстве слова, ни в действии. Но все же эти занятия я называю гимнастикой ума и подготовительной ступенью к занятиям философией. Науки эти более подобают мужчине по сравнению с науками, изучаемыми в школе детьми, но очень во многом и подобны им. И ведь из детей те, кто тщательно изучил грамматику, музыку и другие преподаваемые в школе науки, не получили никаких преимуществ, помогающих усовершенствовать свою речь или лучше разбираться в различных делах: они только подготовили себя к познанию более полезных и важных наук. Итак, я, пожалуй, посоветовал бы молодым людям заниматься этими науками некоторое время; но они должны остерегаться, чтобы не испустить свой ум в этих занятиях» [25. С. 356—367].

Исократ внес выдающийся вклад в разработку древнегреческой пайдеи. Именно к знаменитой древнегреческой пайдеи V—IV вв. до н. э. генетически восходит понятие «обра-

зование», в своем предельном выражении понимаемое как процесс обретения человеком своего человеческого образа.

Детально исследуя этот выдающийся феномен, В. Йегер трактовал пайдейю как присущее древним грекам стремление к образованию и культуре [31. С. 6]. Он отмечал, что только во времена Софокла и софистов слово «пайдейя» «становится символом идеальной сформированности духа и тела, калокагатии, которая теперь в первый раз сознательно включает в себя определенное духовное формирование. Исократу, Платону и их эпохе это всеохватывающее новое значение для образовательной идеи предоставляется уже твердо установленным» [32. С. 335].

С середины V в. до н. э. софисты, усматривавшие в духовной культуре условие достижения людьми жизненного успеха и опиравшиеся на общие демократические веяния, отстаивали идею пайдейи, согласно которой кого угодно можно было научить чему угодно. «В отличие от более ранних мыслителей, не раз высказывавших презрение к толпе, — писал М. А. Лифшиц, — софисты сделали идею воспитания более популярной и доступной каждому, кто имеет средства, чтобы пройти соответствующее обучение» [36. С. 406].

Ей противостояла идея традиционной аристократической пайдейи, уходящей своими корнями в героический период античной истории. Аристократическая пайдейя была избирательна. Она неразрывно связывалась с «породой», наследуемой

представителями высшего сословия и реализуемой в добродетельной жизни. Сократ, веривший в «добрую природу человека», видел сущность пайдейи в ее направленности на «взрачивание» с помощью педагогических усилий наставника внутренней духовной культуры добродетельных, мудрых людей, способных «жить по справедливости». При этом он постоянно обращал внимание на то, как сложно учителям решать задачу, требующую от учеников огромного внутреннего напряжения.

В «Словаре античности» пайдейя определяется как «вообще образование: гармоничное телесное и духовное формирование человека, реализующее все его способности и возможности» [43. С. 406]. По словам А.-И. Марру, пайдейя «становится обозначением культуры, понимаемой не в активном, подготовительном смысле образования, а в том результативном значении, которое это слово приобретает у нас сегодня: состояние полного, осуществившего все свои возможности духовного развития человека, ставшего человеком в полном смысле» [37. С. 142]. В новейшей справочной литературе отмечается, что «пайдейя (гр. παιδεία — формирование ребенка, образование, воспитанность, культура) — понятие античной философии, означающее универсальную образованность (ср. лат. *humanitas* — вселенская образованность как существо человека)» [44. С. 189].

По мнению немецкого философа М. Хайдеггера, пайдейя для Платона — «это руководство к изменению всего человека» [49. С. 350]. Ученик Платона Аристотель в «Политике»

акцентировал внимание на естественной потребности свободного человека в образовании тела и души, наклонностей и ума, «которое достойно его и само по себе прекрасно, а не значимо лишь с точки зрения сугубо утилитарной практической пользы» [6. С. 612–613]. М. А. Солопова и Ю. А. Шичалин обращают внимание на то, что, возникнув в греческой софистике, понятие пайдейи «стало предметом специальной рефлексии у Исократы и Ксенофонта и было разработано Платоном в диалогах «Государство» и «Законы». В соединении с учением о бессмертии души политическая программа Платона, полагающая воспитание «стражей» и «правителей» фундаментом правильного государственного устройства, представляет пайдейю не только как смысл политики, но и как смысл жизни души: согласно «Федону»... душа уносит с собой на тот свет только воспитание — пайдейю. Аристотель продолжил школьную разработку понятия в трактате «Политика»: согласно его учению, объединение людей («толпы») в единое государство возможно только «путем ее воспитания»... т. е. через «внедрение добрых нравов, философии и законов»... Аристотель тем самым полемизирует с платоновским проектом идеального государства, единство которого держится на власти «стражей» и «правителей», а самая многочисленная прослойка общества, «земледельцы», не получает воспитания. Воспитание-пайдейя в системе этико-политических взглядов Аристотеля — условие счастья для всех членов общества, в то время как для

Платона воспитание мыслится как задача онтологическая — как условие спасения души, способ приобщения к истинному бытию, что делает пайдейю синонимом самой философии» [44. С. 189].

Пайдейя Исократы была направлена на то, чтобы сделать «человеческие души более разумными, а тела — более способными к действию», чтобы «обучая и воспитывая учеников... довести их до такого состояния, что те станут лучше, чем были» [25. С. 34]. Основным элементом системы образования Исократы современная французская исследовательница И. Адо называет «усилия педагога сделать своих учеников лучше в нравственном отношении, обучая их говорить лучше и предлагая им изучить тексты или темы высокой нравственной ценности... Этот идеал снова ясно предстанет перед нами в конце эллинистической эпохи у Цицерона и в императорскую эпоху — у Квинтилиана» [4. С. 47]. По ее мнению, Исократ был убежден, «что нельзя и не следует учить хорошо говорить без того, чтобы учить правильно жить, и что сущность мысли неотделима от ее словесного выражения, и, следовательно, существует взаимосвязь между мыслью и словом» [4. С. 51].

Риторический идеал образования Исократы, основанный на широкой гуманитарной культуре, на широко понимаемой философии, был подхвачен и детально проработан Цицероном, высоко чтившим своего древнегреческого предшественника. Об этом пишет В. Г. Безрогов: «Всесторонне образованный оратор явился как

doctus orator в трактате „Об ораторе” Цицерона (106—43 до н. э.). Согласно Цицерону, разобраться в философских доводах и спорах может и не очень образованный оратор, но если он соединит в себе еще и знание других наук, недоступное общему образованию, вот тогда его уже не осилит никто. <...> Свободные искусства изучаются до начала специального риторического образования „по специальности”. <...> Но подготовка совершенного оратора, по Цицерону, должна включать, конечно, не только artes liberales. Обязательно еще обширное философское, историческое и правовое образование, помимо многообразных навыков владения словом, в том числе логика, психология и т. д.» [45. С. 394—397]

В. И. Исаева акцентирует внимание на такой особенности пайдейи Исократ, как ориентация образования на постижение логоса: «Исократ вошел в историю не только как блестящий оратор, но и как основатель новой идеологии, соединившей теоретическое образование с практикой. В его понимании природа, назначение и функции ораторской речи таковы, что она может и должна рассматриваться как философская категория... Логос в интерпретации оратора становится основой цивилизации, так как при помощи речи были установлены критерии морали и этики — проведено разграничение между справедливостью и несправедливостью, прекрасным и постыдным. Трактовка слова в качестве предпосылки, позволившей людям объединиться в общество, установить законы общежития и осознать себя

как индивидуумов, приводит к тому, что речь у Исократ превращается в квинтэссенцию культуры, отражающую в сжатом виде этапы исторического развития. В концепции оратора слово выступает также показателем уровня развития цивилизации и степени приобщения к культуре, посредством логоса он устанавливает различие между людьми и животными, эллинами и варварами, Афинами и остальными греческими полисами. Исократ рассматривает слово как синоним знания, которым можно овладеть в процессе обучения, и приравнивает обучение красноречию к воспитанию, призванному сформировать гражданина, достойного полиса» [15. С. 12—14].

Согласно достаточно широко распространенной точке зрения, выраженной, в частности, современным американским историком М. Грантом, Исократ «создал модель гуманизма, впоследствии сформулированную и дополненную Цицероном, заветную как идеал поздней Античности итальянскому и европейскому Возрождению и нашему миру до нынешнего века» [10. С. 227].

Гуманизм Исократ неразрывно связан с разрабатываемым им пайдейей как путем образования достойным свободного человека. И именно это делает его идеи созвучными идеи *humanitas* Цицерона.

Для древних греков пайдейя означала тот путь (а также руководство этим путем, его педагогическую организацию), который должен был пройти человек, изменяя себя в стремлении к идеалу духовного и физического со-

вершенства (калокагатии) посредством обретения мудрости, мужества, благоразумия, справедливости и других воинских, гражданских, нравственных, интеллектуальных добродетелей (арете).

Пайдейя в значении образование, образованность является греческим эквивалентом латинского *humanitas* — гуманизм. «Греческий духовный принцип, — подчеркивал В. Йегер, — не индивидуализм, „гуманизм“, если можно употребить это слово в его первоначальном античном смысле. Гуманизм происходит от *humanitas*. Это слово, по крайней мере со времен Цицерона и Варрона... означает приведение человека к его истинной форме, форме человека как такового» [31. С. 22—23]. Раскрывая соотношение греческой пайдейи и греческого гуманизма, М. Хайдеггер писал: «Отчетливо и под своим именем *humanitas* впервые была продумана и поставлена как цель в эпоху Римской республики. Homo *humanitas* тут — римлянин, совершенствующий и облагораживающий „римскую добродетель“, *virtus*, путем „усвоения“ перенятой от греков „пайдейи“, греки тут — греки позднего эллинизма, чья культура преподавалась в философских школах. Так понятие „пайдейя“ переводится через *humanitas*. В Риме мы встречаем первый „гуманизм“» [48. С. 196].

Современный отечественный исследователь философии образования Древнего Рима О. В. Батлук справедливо отмечает, что термин *humanitas* был введен в европейскую интеллектуальную традицию в середине I в. до н. э. Цицероном. Этот термин, встре-

чающийся во всех трактатах, а также во многих речах и письмах древнеримского политического деятеля, оратора и философа, имеет несколько взаимосвязанных значений, среди которых образование, образованность, просвещение является ключевым, системообразующим.

По словам О. В. Батлука, «образовательная терминология Цицерона включает в себя следующие понятия: *ars*, которое может обозначать как науки, так и искусства <...> *doctrina*, в отличие от *ars*, предполагает прежде всего науку, однако может использоваться и в более широком значении как вообще ученость, учение (иногда конкретно-философское) <...>. Затем следует *disciplina* — учение, изучение, образование, *litterae* — знания и, наконец, *studium* (преимущественно во множественном числе) — термин, который обозначает занятия науками и искусствами <...> определяя область человеческой деятельности, связанную с образованием. Интересующий нас термин *humanitas* употребляется в контексте перечисленных выше понятий, характеризует уже не столько сам образовательный процесс <...> сколько его результат <...>. По окончании курса высшего образования идеальный римлянин становится обладателем не только обширных познаний в области высоких наук (*optimus artes*), мудрости (*sapientia*) и образованности (*humanitas*), но и прекрасных нравственных качеств <...> и, наконец, морального совершенства вообще *humanitas*, которое представляет собой последнее звено в этом представительном ряду, заключитель-

ную ноту возвышенного аккорда» [7. С. 118, 127].

В творчестве древнеримского мыслителя понимание гуманизма предстает в неразрывном единстве с пониманием образования. Человек у Цицерона в процессе образования овладевает «духовной культурой», обеспечивающей формирование у него достоинств, которые выражают степень его удаленности от природного, естественного, варварского состояния. *Гуманистическое образование* — есть образование, достойное свободного человека.

Идея образования достойного свободного человека возникла, как было показано выше, задолго до Цицерона, в Древней Греции. В Элладе она получила свое выражение в идеале пайдеи. Во второй четверти IV в. два великих мыслителя и непримиримых оппонента — Платон и Исократ — разработали две модели пайдеи, имея в виду образование свободного человека, организацию развития его доблестей на основе постижения культуры. То есть, по существу, они обосновали два гуманистических (в смысле Цицерона) образовательных идеала. Эти образовательные идеалы, традиционно обозначаемые как философский (Платон) и риторический (Исократ), делали особый акцент на развитии человеческого разума. При этом они различались не только тем, что первый был обращен на создание условий для постижения человеком высшей истины, понимаемой не только как основа всякого знания, но и как основа подлинной нравственности, а второй был направлен на формиро-

вание способности жить в мире человеческих мнений, следуя принципам житейской нравственности и умея выстраивать отношения с окружающими людьми. Не менее важным отличием было то, что Платон основным орудием умственного образования предлагал сделать математику, а Исократ видел этот инструмент в слове. А.-И. Марру справедливо подчеркивал, что «Исократ победил Платона в этом пункте. Классическая культура есть по преимуществу эстетическое образование, художественное, литературное, но не научное. Гомер остался „воспитателем Греции“, философам не удалось изгнать его за пределы Государства, они даже не стали пытаться; Евклид не смог занять его места». А.-И. Марру обратил внимание на то, что со времен Древней Греции классическое образование ориентировалось на формирование общей культуры человека, видело в этой общей культуре «мощный фактор единства людей. Отсюда и значение (на первый взгляд, удивительное), которое придается понятию Слова, λόγος, и литературная доминанта этого образования. Поскольку именно Слово — привилегированный инструмент всякой культуры, всякой цивилизации, постольку это средство наиболее надежного контакта и обмена между людьми; оно раскрывает заколдованный круг одиночества, куда неизбежно затягивает любого специалиста его компетенция... И это тоже гуманизм — влияние, обращенное на общественный характер культуры, на опасность любой деятельности, варящейся в собственном соку, отказавшейся от взаимного обмена с окружа-

ющей жизнью» [37. С. 313, 312].

Сегодня обращение к педагогическому наследию Исократ, к его прочтению в контексте тех острейших дискуссий, которые вели вокруг древнегреческой пайдеи V—IV вв. до н. э. софисты, Сократ, Платон, Аристотель, позволяет понять истоки многих

важнейших современных подходов к самым разным проблемам теории и практики воспитания и обучения, выявить их ценностные основания, глубже понять роль и место гуманитарного компонента в образовании, осмыслить истоки великой гуманистической традиции в педагогике.

Список литературы

1. Jaeger, W. *Paideia: The ideals of Greek culture*. Vol. 3. The conflict of cultural ideals in the age of Plato / Trans. from the German. NY, 1986. P. 46 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://bookfi.org/book/1083181>
2. Jaeger, W. *Paideia: The ideals of Greek culture*. Vol. 3. The conflict of cultural ideals in the age of Plato / Trans. from the German. NY, 1986. P. 46 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://bookfi.org/book/1083181>.
3. Аверинцев, С. С. Вступительная статья к разделу «Античность» // В кн.: Идея эстетического воспитания. Антология в 2-х т. Т. 1. / С. С. Аверинцев. — М.: Искусство, 1973. — С. 117—139.
4. Адо, И. Свободные искусства и философия в античной мысли [Текст] / И. Адо; пер. с франц. — М.: ГЖ, 2002. — 476 с.
5. Аристотель. Риторика // Античные риторика / Аристотель. — М.: Изд. Московского университета, 1978. — 352 с.
6. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4 / Аристотель. — М.: Мысль, 1983. — С. 375—644.
7. Батлук, О. В. Цицерон и философия образования в Древнем Риме / О. В. Батлук // Вопросы философии. — 2000. — № 2. — С. 115—127.
8. Васильева, Т. В. Дельфийский оркул о мудрости Сократа, превосходящей мудрость Софокла и Еврипида // Культура и искусство античного мира / Т. В. Васильева. — М., 1980. — С. 288—289.
9. Гаспаров, М. Л. Цицерон и античная риторика // Марк Тулий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / М. Л. Гаспаров. — М.: Мысль, 1972. — С. 7—74.
10. Грант, М. Классическая Греция / Пер. с англ. В. Федяниной / М. Грант. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. — 336 с.
11. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов.... Философское Наследие. Том 99 / Диоген Лаэртский. — М.: Мысль, 1986 — 576 с.
12. Дионисий Галикарнасский. О соединении слов // Античные риторика / Дионисий Галикарнасский. — М.: Просвещение, 1978. — С.167—221.
13. Дионисий Галикарнасский. Письмо к Помпею // Античные риторика / Дионисий Галикарнасский. — М.: Из-во МГУ, 1978. — С. 222—235.
14. Журавковский, Г. Е. Очерки по истории античной педагогики Г. Е. Журавковский. — М.: Учпедгиз, 1940. — 471 с.
15. Исаева, В. И. Античная Греция в зеркале риторики: Исократ / В. И. Исаева. — М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. — 255 с.
16. Исаева, В. И. Античная Греция в зеркале риторики: Исократ / В. И. Исаева. — М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. — 255 с.
17. Исократ. Ареопагитик // Исократ. Речи. Письма. Малые аттические

ораторы. — М. : Изд-во: Ладомир, 2013. — С. 132–149.

18. Исократ. Архидам // Исократ. Речи. Письма. Малые аттические ораторы. — М. : Изд-во: Ладомир, 2013. — С. 110–132.

19. Исократ. Бусирис // Исократ. Речи. Письма. Малые аттические ораторы. — М. : Изд-во: Ладомир, 2013. — С. 214–225

20. Исократ. К Александру // Исократ. Речи. Письма. Малые аттические ораторы. — М. : Изд-во: Ладомир, 2013. — С. 442–443.

21. Исократ. К Демонику // Исократ. Речи. Письма. Малые аттические ораторы. — М.: Изд-во: Ладомир, 2013. — С. 430–432.

22. Исократ. К сыновьям Ясона // Исократ. Речи. Письма. Малые аттические ораторы. — М. : Изд-во: Ладомир, 2013. — С. 443–446.

23. Исократ. Никокл, или к жителям Кипра // Исократ. Речи. Письма. Малые аттические ораторы. — М. : Изд-во: Ладомир, 2013. — С. 32–46.

24. Исократ. О мире // Исократ. Речи. Письма. Малые аттические ораторы. — М. : Изд-во: Ладомир, 2013. — С. 149–181.

25. Исократ. Об обмене имуществом // Исократ. Речи. Письма. Малые аттические ораторы. — М. : Изд-во: Ладомир, 2013. — С. 300–369.

26. Исократ. Панафинейская речь // Исократ. Речи. Письма. Малые аттические ораторы. — М. : Изд-во: Ладомир, 2013. — С. 225–281.

27. Исократ. Панегирик // Исократ. Речи. Письма. Малые аттические ораторы. — М. : Изд-во: Ладомир, 2013. — С. 46–81.

28. Исократ. Против софистов // Исократ. Речи. Письма. Малые аттические ораторы. — М. : Изд-во: Ладомир, 2013. — С. 281–288.

29. Исократ. Речи. Письма. Малые аттические ораторы; Редактор: Э. Д. Фролов. — М. : Издательство: Ладомир, 2013. — 1072 с.

30. Исократ. Эвагор // Исократ. Речи. Письма. Малые аттические ораторы. — М. : Изд-во: Ладомир, 2013. — С. 181–200.

31. Йегер, В. Пайдейя. Воспитание античного грека (эпоха великих воспитателей и воспитательных систем). Том 2 / В. Йегер. — М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1997. — 336 с.

32. Йегер, В. Пайдейя. Воспитание античного грека (эпоха великих воспитателей и воспитательных систем). Т. 1 / В. Йегер. — М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина. — М., 2001. — 600 с.

33. Кассен, Б. Эффект софистики / [Текст]: пер.с фр. А. Россиуса / Б. Кассен. — СПб. : Университетская книга, 2000. — 240 с.

34. Корнилов, Е. Н. Риторика — искусство убеждать. Своеобразие публицистики античной эпохи / Е. Н. Корнилов. — М. : Изд-во УРАО, 1998. — 208 с.

35. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе / Пер., ст. и комм. С. И. Соболевского; Серия «Античная литература»; Рядел «Философская литература»). — СПб. : Алетейя. 1993. — 448 стр.

36. Лифшиц, М. А. Поэтическая справедливость: Идея эстетического воспитания в истории общественной мысли / М. А. Лифшиц. — М. : ТОО «Фабула», «Изд. центр», 1993. — 472 с.

37. Марру, А.-И. История воспитания в античности: (Греция): [Пер. с фр.] / А.-И. Марру. — М. : Греко-латин. каб. Ю. А. Шичалина, 1998. — 425 с.

38. Платон. Государство // Собр. соч.: в 3 т.; пер. А. Н. Егунова / Платон. — М.: Мысль, 1971. — Т. 3. — С. 327–625.

39. Платон. Федр // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. — М. : Мысль, 1993. — 528 с.

40. Платон. Евтидем // Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. — М. : Мысль, 1990. — 336 с.

41. Поэтическая справедливость. Идея эстетического воспитания в истории общественной мысли. — М. : ТОО «Фабула», «Изд. центр», 1993. — 472 с. **см. источник 36**

42. Раддиг, С. И. История древнегреческой литературы. Учебник. — 5-е изд. / С. Раддиг. — М. : Высш. школа, 1982. — 487 с.

43. Словарь античности // Сост. Ирмшер Й., Йоне Р.; Пер. с нем. — М. : Прогресс, 1989. — 704 с.

44. Солопова, М. А., Шичалин, Ю. А. Пайдейя // Новая философская энциклопедия: В 4 т.; Под редакцией В. С. Стёпина / М. А. Солопова, Ю. А. Шичалин. — М. : Мысль, 2001. — 911 с.

45. Учитель и ученик: становление интересубъективных отношений в истории педагогики Востока и Запада (цивилизация

древности и Средневековья) / под ред. Н. Б. Баранниковой, В. Г. Безрогова. — М.: ИТИП РАО, 2013. — 397 с.

46. Фролов, Э. Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Ленинградский гос. ун-т / Э. Д. Фролов. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. — 436 с.

47. Фукидид. История / Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко, С. А. Жебелёва; Под ред. Э. Д. Фролова. — СПб.: Наука, 1999. — 590 с.

48. Хайдеггер, М. Письмо о гуманизме // Время и бытие; пер. с нем. / М. Хайдеггер. — М. Изд-во: «Республика», 1993. — 448 с.

49. Хайдеггер, М. Учение Платона об истине // Время и бытие; пер. с нем. / М. Хайдеггер. — М. Изд-во: «Республика», 1993. — С. 350.

50. Цицерон. Об ораторе. II. 94 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: ancientrome.ru/antlittr/cicero/tractates/deorat2-f.htm

51. Чернышев, Б. С. Софисты. — 2-е изд. / Б. С. Чернышев. — М. : Книжный дом «Либроком», 2007. — 176 с.